

Евгений НЕКРАСОВ

Виктор Розов — безусловно советский драматург. И безусловно честный. Эти два качества плоховато уживались друг с другом и с практикой партийных идеологов. После постановления ЦК ВКП(б) 1946 года «О репертуаре драматических театров» были запрещены почти все современные пьесы. Следуя изгибам партийной линии, конъюнктурщики бросились описывать конфликт хорошего с лучшим: зарвавшийся передовик или отличник учебы противопоставляет себя коллективу... Летом 49-го режиссер театра-вагона при клубе железнодорожников Розов остался без работы из-за разногласий с начальством. Ни на что особенно не рассчитывая, написал пьесу «Ее друзья» — о слепице девочки, которой одноклассники помогли не бросить школу. Через три месяца спектакль был поставлен в Центральном детском театре, имел успех и сразу же был объявлен «нетипичным», «смакующим несчастье»... Следующие два десятилетия отечественного театра прошли под знаком Розова. Его «Вечно живыми» начался «Современник». Ему принадлежит самый яркий образ периода «оттепели»: мальчик, рубящий отцовской саблей мебель — символ мещанства («В поисках радости»)...

Когда в СССР, кажется, не осталось театра, где не шли бы спектакли по Розову, его причислили к «выдающимся советским»: дали Госпремию. Но... не за оригинальную пьесу, а за написанную еще во время войны инсценировку.

— Виктор Сергеевич, за что вы воевали? За Родину? За Сталина? За Советскую власть?

— Не «за что», а «почему». Потому что я очень люблю Россию, особенно Советский Союз. Потому что считал своим долгом быть там, где всего труднее. У меня нет на душе греха, что си- ганул куда-то в Ташкент.

— Вы не приняли нынешнее наступление рынка?

— Нет, почему? Я помню нэп — самое счастливое время. В кооперативной булочной буханка стоила четыре копейки, а у частного Сущева очень вкусный хлеб, кисло-сладкий, выпекавшийся в конических формах — четыре с половиной. Мы были бедные, но хлеб от Сущева могли себе позволить. И пироги мама начала печь только при нэпе...

— И тем не менее, ваше имя сейчас связывают с коммунистами.

— Но не надо связывать очень плотно. Я никогда не был ни в комсомоле, ни в партии. К Зюганову отношусь очень уважительно — совершенно согласен с многими его высказываниями. А вот с теми коммунистами, которые сейчас возглавляют страну, у меня ничего общего нет.

— В училище при Театре Революции вы занимались у Бабановой...

— На сцене я подавал ей стул. Большая была ответственность — поставить его миллиметр в миллиметр, чтобы ей было удобно... Хотя были у меня хулиганские выходы. Однажды я дирижировал оркестром на сцене, где маркиз Рикардо приходит к Диане свататься. Я стал выделывать руками такое, что публика хохотала. И Бабанова сделала мне выволочку: «Ты зачем отвлекаешь публику?! Это моя сцена, а не твоя!».

— Диану она играла на четвертом десятке. Вас не удручала вечная театральная проблема престарелых диан и джульетт?

— Нет, что вы! Это такое великое счастье, что я видел ее и был рядом! Она же гениальная актриса! Она же талантливая, а гениальная — это трудно представить, потому что гений необъясним... Я бы хотел пусть старого Шаляпина,

тую свадьбу»...

Виктор РОЗОВ:

Со сцены я сбит снарядом

Воск. Москва. — 1998 — 20 авг. — с. 12.

но слышать «живьем».

— А зачем вы, актер, поступили в Литинститут?

— Так ведь я пришел с фронта на костылях. Со сцены был сбит снарядом, и пришлось переучиваться. На творческий конкурс представил инсценировку романа Гончарова «Обыкновенная история», и меня приняли. А через много-много лет театр «Современник» обратился ко мне с очередной просьбой — нет ли еще пьесы. Я пошел в Литинститут, и там нашли мою инсценировку, написанную от руки в конторской книге. «Современник» заинтересовался, поставил эту пьесу, и мы получили Государственную премию: Олег Табаков, Гаяль Волчек, Миша Казаков и я. Я единственный драматург, получивший премию за инсценировку. В общем-то не по заслугам. Гончарову надо было давать.

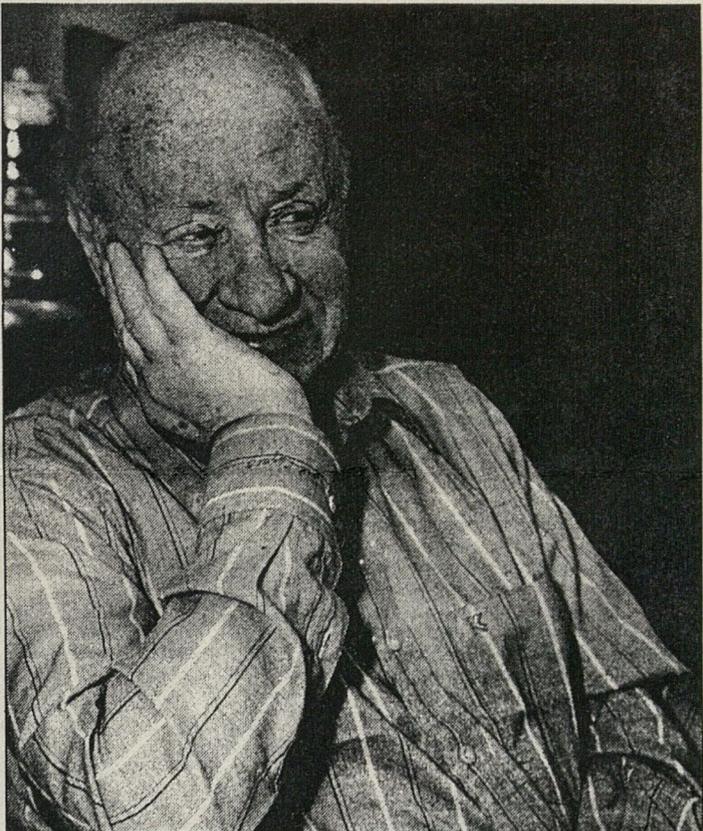
— В Литинституте вы учились, будучи зрелым человеком. Не тяжело было с преподавателями?

— Наоборот. Скажем, ходили мы по бульвару с Осипом Бриком и рассуждали совершенно на равных. И с Александром Кронном, руководителем семинара, так же — на равных... Помню, преподаватель русской литературы задает мне вопрос по «Анне Карениной». Я уточняю: «Вам рассказать, что об этом писали критики, или мое собственное мнение?» Он говорит: «Что писали, я читал, давайте собственное». Я и сказал, что единственный порядочный человек во всем романе — это Каренин. Он мне поставил «отлично».

— Вы последовательны. Каренин — порядочный, мать в вашей пьесе «В поисках радости» поучает героя: «Очень часто любовь принижает человека, разрушает его жизнь»... Виктор Сергеевич, а как было в вашей собственной жизни?

— Я полюбил Надю, когда ей было лет 16—17, мне немножко за 20, и вот мы уже давно отметили золотую свадьбу. Так что в личной жизни я не совершал дурных поступков.

— Лет сорок назад можно было написать сильную пьесу

или роман — и проснуться знаменитым. Сейчас, мне кажется, такое невозможно. Идет такой мощный поток информации, что в нем растворяется и плохое, и хорошее.

— Нет. Вот Эдик Радзинский стал же знаменитым. Я еду как-то на попутной машине и объясняю водителю дорогу. А он мне: «Так вы бы сразу сказали: мол, это там, где живет Радзинский!» Вот какая замечательная популярность.

— Ну, Радзинский стал популярным благодаря телевидению, и не сразу. А вы... Вторая ваша пьеса — «В добрый час!». В скольких театрах она шла?

— Во всех.

— Вот я и говорю, что в наши дни такое невозможно.

— Ну что вы! Напишут еще. Все, все уже существует и витает в воздухе. Как писал Алексей Константинович Толстой: «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель. Вечно носились они на землю, незримые оку». В воздухе носились и телевизор, и телефон, и атомная бомба. Мы живем в двух мирах. Вот здесь я большой лежу, у вас в руках изобретение, которое тоже витало в воздухе — диктофон... А там носится еще много-много чего, и иногда люди творческие откуда это достают. К сожалению, этим пользуются не всегда во благо, но тут виновато человечество, а не мироздание.

— Виктор Сергеевич, и что же, ваши пьесы там тоже носились?

— И пьесы тоже. Писать для меня не составляло труда — одно удовольствие. Давно, в пятидесятых годах, я перенес первый инфаркт. Бреду к кушеточке прилечь, и вдруг в голову влетела пьеса! Я вернулся к столу и — скорее, скорее записывать! В молодости я совсем не ценил это свойство: иду по улице, пришло что-то в голову, думаю, ладно, дома запишу. Фиг два! Приезжаю домой, а ничего уже нет... Некоторые мои пьесы запрещались, но я-то писал их без чувства, что делаю что-то запретное. Я не понимал, почему они за-

претные — просто доставал их оттуда, где они витали. Это и есть творчество. Извините, что говорю такое высокое слово по отношению к себе — я копеечный творец. Гоголь совершенно загадочный творец, Пушкин — сам целая вселенная со всеми противоречиями... Я жалею, что стал такой старый, и уже ничего не влетает в голову, а если влетит, это не будет то, что надо.

— Где сейчас идут ваши пьесы? Во МХАТе, «Ее друзья»?

— И еще в каком-то театре, судя по гонорарам, которые мне присылают. А с «Ее друзьями» получилась потрясающая история. Пьеса слабая, она только по инерции запрещалась. И вдруг спустя почти пятьдесят лет ее ставят в Художественном театре у Дорониной. Я был на премьере: полный зал, сидят плачут... Прихожу на второй или третий спектакль — опять битком, тысяча мест с лишком, и опять плачут. Такая тяга к доброте оселяет надежду, что наш народ остается добрым, сострадающим. Не считая выродков, которых называют «новые русские».

— А вы сталкивались с новыми русскими, кроме как идя по улице и видя человека в «Мерседесе»?

— Можно сказать, нет. Я абсолютно не против богатых, если их деньги заработаны трудом на благо страны и людей. Я говорю о тех «новых русских», которые добыли деньги путем махинаций.

— Виктор Сергеевич, вы по натуре сибарит?

— Нет, скорее холерик. Объездил полмира, лазил на горы и египетские пирамиды.

— А что из еды вам понравилось больше всего?

— Китайская кухня. В Лондоне у меня знакомая, очень старая — не знаю, жива ли сейчас. Милая женщина, литературный работник, и написала книгу по кулинарии. Она водила нас в китайский ресторанчик. Я не знаю, что там было: множество судочков, в каждом по два-три кусочка, и одно вкуснейшего другого... А из русской кухни люблю жареную картошку.

— 21-го августа вам исполнится 85. Где собираетесь отмечать юбилей и о чем в связи с этим думаете?

— Все давлением мучаюсь, вот только что пролежал в больнице три недели. А юбилей будет в Детском театре, он теперь называется Молодежный... Нет, я человек веселый, я оптимист. Все пройдет. И то, что сейчас дурное обрушилось на страну, тоже пройдет. Все равно я русский народ люблю — он любит лениться и не любит зарабатывать. Работа только та хороша, которая тебе нравится. Вот мне моя работа всегда нравилась. В слесарных мастерских мне нравилось, актером быть нравилось, а уж как нравилось пьесы писать...

285 86